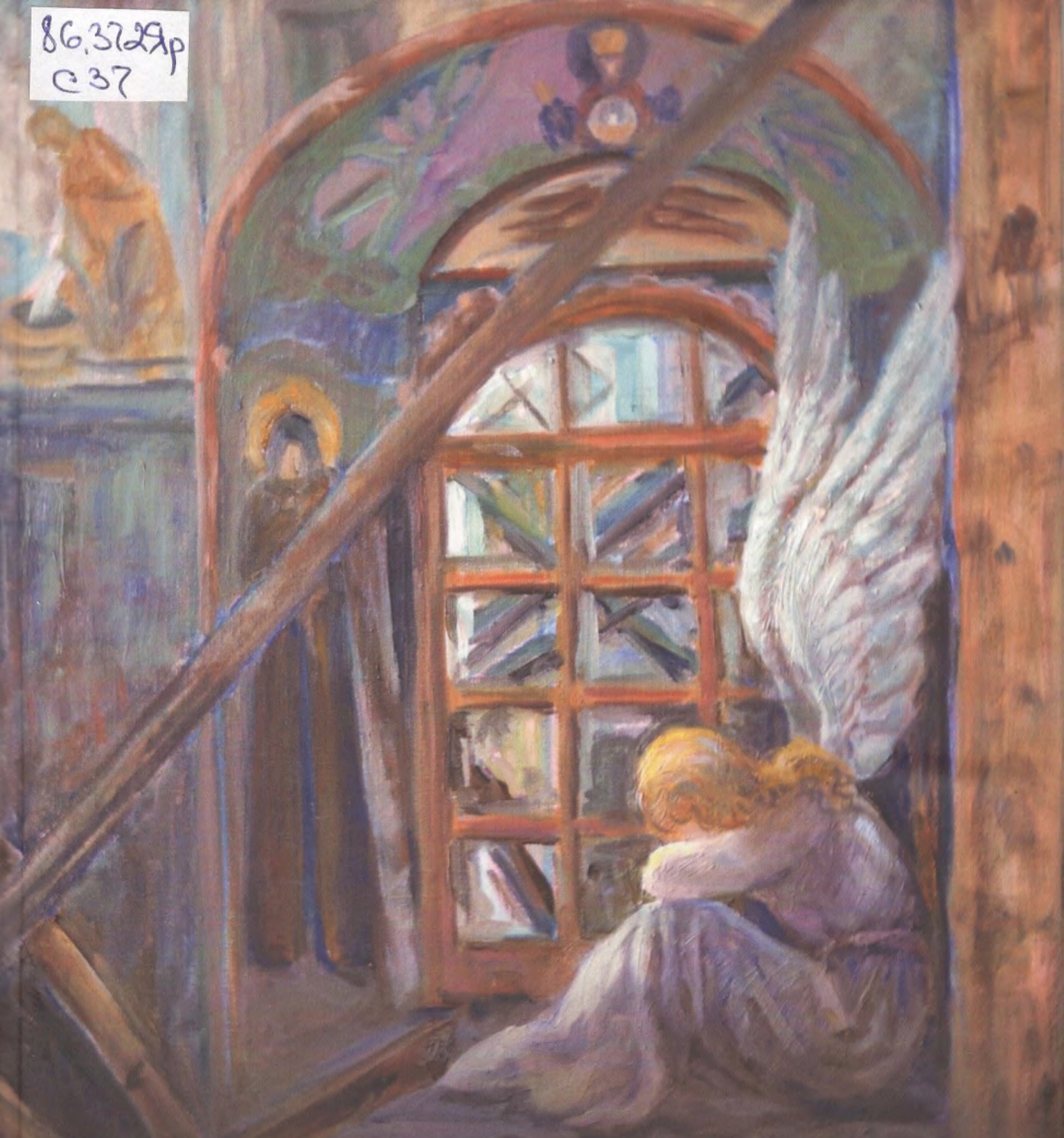
86.372я
С37



Божественные константы

Повествование о монастыре
Рождества Пресвятой Богородицы

86.372я
С37

Альфред СИМОНОВ

БОЖЕСТВЕННЫЕ КОНСТАНТЫ

Повествование о монастыре Рождества Пресвятой Богородицы

Р-211679-Х

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

Ярославль
ИНДИГО
2017

УДК 351.746.1
ББК 86.372
С 37

Симонов А. Н.

С37 Божественные константы. Повествование о монастыре Рождества Пресвятой Богородицы. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2017. – 88 с., ил.

«Божественные константы» – одиннадцатая книга ярославского писателя Альфреда Симонова. Основным лейтмотивом повествования автора является жизнь человеческая, органично вплетённая в историческую канву российского государства, летопись духовного становления народа.

Особое внимание в своей книге А. Симонов уделяет вопросу восстановления монастырей русских, в частности – монастыря Рождества Пресвятой Богородицы в Ростове Великом. Но не только о физическом восстановлении русских святынь повествует автор. Главное – восстановление не зданий и сооружений, а веры в душах людей. И тогда – «Бог всё устроит».

ББК 86.372

ISBN 978-5-91722-303-2

Фото монастыря
А. Крестьянинова

© Симонов А. Н., 2017
© ИПК «Индиго», 2017

Часть первая

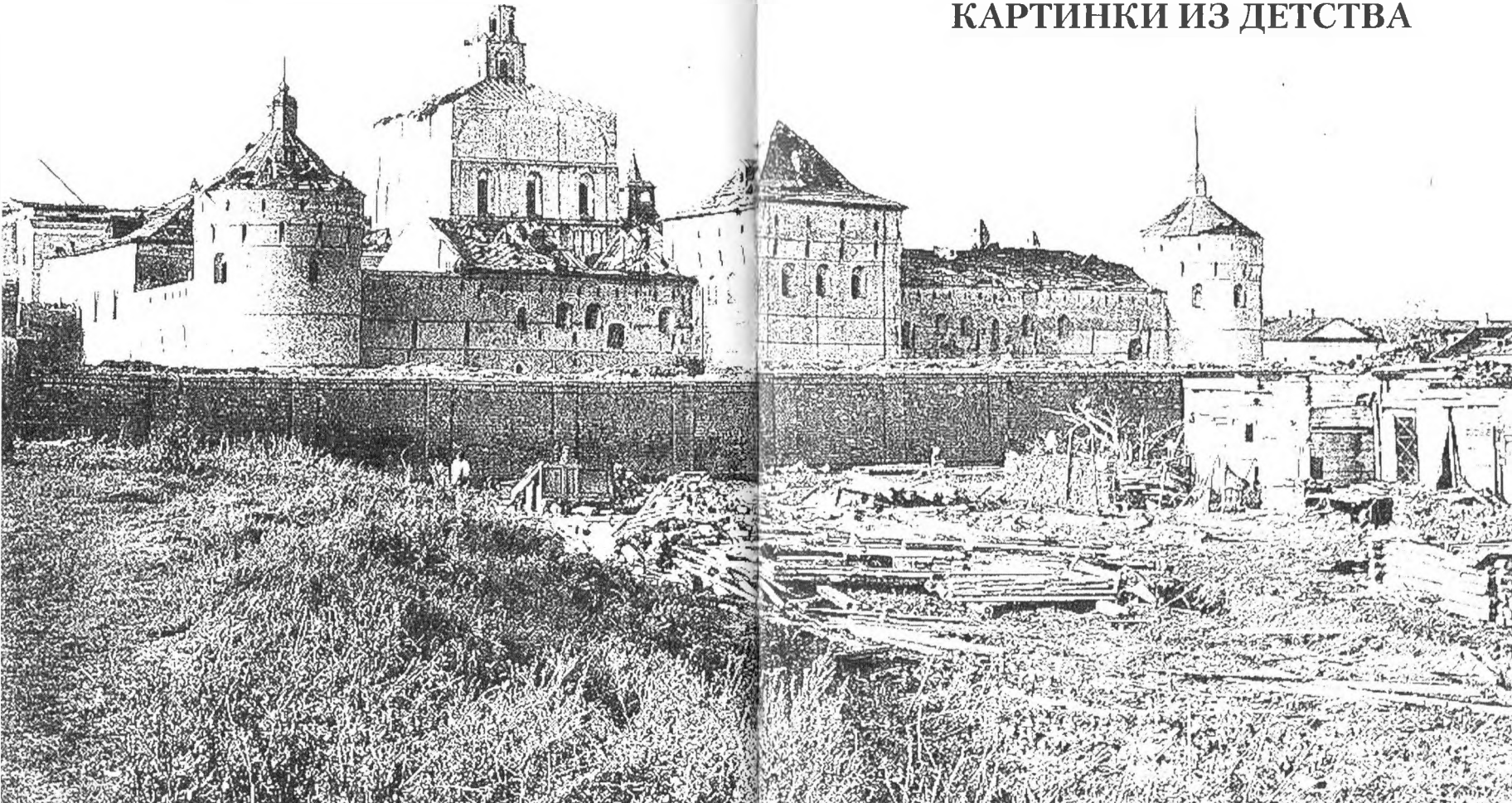
СБИТЫЕ КУПОЛА

Над нашей территорией
переменная облачность…

Из прогноза погоды

Глава первая

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА



Извилистая дорога, которая впервые привела меня в Ростов Великий, была, наверное, протоптана воинами да купцами во времена Ильи Муромца. Летом и зимой по ней ещё проехать можно было, хоть и с трудом, а вот осенью и весной – лучше и не пробовать. Даже кони вязли в грязи непролазной. Проходили столетия, а дороги на Руси оставались такими же непроезжими.

Но вот в XVIII столетии появился на Руси, как бы сейчас сказали, успешный менеджер – императрица Екатерина Великая, которая приказала мостить дороги булыжниками. И появились у нас с тех времён не направления, а пути сообщения, по которым можно было уже безбоязненно ездить из города в город, если, конечно, не принимать во внимание разбойников.

О разбойниках – разговор особый. Они – разбойники эти – появились сразу же, как появились дороги. Наши предки немедленно откликнулись на это явление, назвав самых дрянных людей «разбойниками с большой дороги».

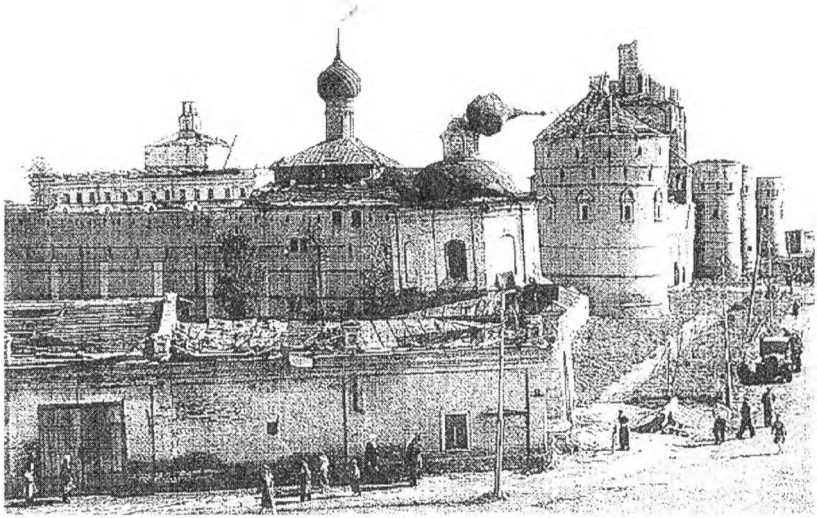
Булыжники для строительства дорог привозили на телегах местные крестьяне: едешь мимо – захвати с собой камень, такая существовала повинность. Езда по подобным дорогам обеспечивала седокам тогдашних транспортных средств изрядную тряску, которая хорошо помогала от дорожной дрёмы и качественно проверяла на прочность и простую телегу, и изысканную карету...

Вот по такой трясучей дороге, едва ли пригодной для передвижения в середине XX века, ехал много лет назад я в

кабине старого американского «студебеккера», который попал в СССР из-за океана во время Отечественной войны. На войне как на войне – год идёт за три, и не только у людей, но и у техники. Этот грузовик, отведавший вволю разных ралли по фронтовым дорогам, перед которыми «Париж – Дакар» – просто приятная прогулка, дышал уже тяжеловато и на своём языке, понятном только шофёру, уговаривал его ехать поспокойнее. Тем более что сзади к нему был прицеплен серьёзный груз – новенький военный катер, который заводские умельцы поставили на колёса с тем, чтобы погонять его по тряским екатерининским дорогам и таким образом без дорогостоящих стендов проверить прочность конструкции. Истинно русское изобретение: просто и эффективно. Мой отец, руководивший этим испытанием, взял меня с собой в первое моё путешествие. Он верно рассудил, что вряд ли представится ещё такой случай – бесплатно объехать и увидеть всю центральную Россию.

Машин легковых почти никто в те годы не имел, поэтому возможностей для путешествий было немного. Только на поезде или вот так, с оказией. Страна жила небогато, да и понятно, после такой-то войны.

Первым городом на нашем пути и был как раз Ростов, хотя великим он мне тогда не показался – маленький, скромный, одноэтажный. Когда мы въехали в центр города, первое, что бросилось мне в глаза, – это разрушенные купола соборов кремля, около которого наш военный караван и остановился. Отец и двое сопровождающих, у которых карманы брюк топорщились от лежащих там пистолетов – военная техника нуждалась в охране – молча стояли и смотрели на всю эту разруху. Вообще-то к подобным зрелищам им было не привыкать. Как-никак – фронтовики, насмотрелись... Но здесь было иное. Во время войны враг сюда не прошёл, а ощущение возникало такое, что именно он полютовал здесь над храмами.



Ростовский кремль после смерча 1953 года.

– Пап, а почему так всё разрушено? – спросил я у отца, который уже начал осматривать катер, пытаясь найти повреждения.

Мне тогда только исполнилось 12 лет, и взгляд на окружающий мир был по-детски радостным – а тут такое! И где! В ростовском кремле! Кремль представлялся мне сказочной древнерусской крепостью, где должны были находиться дружины богатырей, вооружённые мечами да красными продолговатыми щитами. Ну, в общем так, как они и выглядели на иллюстрациях в книжках былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче да Никите Кожемяке, которые я регулярно брал в библиотеке.

– Здесь что, враги всё разрушили? Немцы?

– Нет, сынок, враги здесь ни при чём! Это стихия. Смерч здесь прошёл несколько лет назад, ну, очень сильный ветер, и порушил купола. Да. Наделал дел!

– А почему их не починят?

– Денег надо много, чтобы всё в порядок привести. Взять их пока неоткуда, дома надо строить, а то людям часто негде жить.

Эти объяснения мне были непонятны. Ясно, когда в семье денег не хватает, – в нашей это тоже часто случалось. Но в школе нам говорили, что мы живём в самой лучшей, самой богатой стране мира, где все люди должны быть счастливы. А тут – денег нет... Но возникшее противоречие недолго занимало мальчишеский ум, поскольку вокруг можно было увидеть так много интересного и нового.

Вот только *смерч* – слово, которое я услышал впервые, резануло сознание и осталось в нём навсегда связанным с Ростовом Великим. И когда я слышу, что где-то прошёл смерч, даже на родине «студебеккера», я вспоминаю сбитые купола старинного русского города Ростова...

Подумав о небесном, отец и его товарищи вспомнили о земном и начали детальный осмотр катера. Не обнаружив ничего тревожного, они двинулись в сторону стихийного рынка, располагавшегося под стенами кремля. В городе, откуда я родом, тоже имелись самостийные рынки. Там никто не платил никаких сборов, а товар взвешивали на безменах, точность которых всегда брали под сомнение покупатели. Именно поэтому их называли «хитрыми». Торговали здесь и бабушки, и молодые женщины, и мужики, но последних было немного, и почти все – калеки: у кого руки нет, у кого ноги. Война у всех что-нибудь да отняла. Этим ещё повезло. Живы остались. Как и мой отец, которому тоже чуть ноги не ампутировали.

На расстеленных поверх ящиков газетах высились горки знаменитых ростовских огурчиков да связки фиолетового и жёлтого лука, который так аппетитно выглядел, что хотелось сразу сорвать луковицу и съесть, обмакнув её в соль. Тем более что каждый торговец нахваливал свой товар и убеждал, что лук такой же сладкий, как и яблоки. Отец и его спутники

наивно рассчитывали, что здесь, в огуречной столице России, огурчики достанутся им почти даром, да не тут-то было. Рынок и здесь был «хитрым». Да он везде «хитрый», что у нас, что у них. Люди везде похожи, от одной праматери Евы произошли. В общем, ростовчане, увидев трёх статных, хорошо выбритых, несмотря на походные условия, мужиков, одетых в новенькие комбинезоны, приняли их за людей состоятельных и цены заломили даже сверх обычных. Но, видя, что покупатели уходят, и учитывая конкуренцию, сбросили немного, и через полчаса мы возвращались к машине, увешанные, как индийцы на празднике, гирляндами из лука, и с огромными кульками из газет, в которых прятались маленькие пупырчатые огурчики. Торговец, у которого их купили, так сказал о них: откусишь – и как в раю побываешь... И точно, хороши были! До сих пор помню!

К слову, при покупке имел место такой эпизод: мужик, у которого мы брали огурцы, стал их упаковывать в газету с большим портретом Сталина. Отец тут же попросил заменить бумагу, хотя вождь к тому времени уже лежал в Мавзолее рядом с Лениным, и каких-либо последствий от того, что портрет пошёл на кулёк, случиться не могло. Но дело было в другом, не в страхе совсем. А в уважении. Отец почти два года воевал в составе разведроты, и имя Сталина оставалось для него неприкосновенным, несмотря на уже шедшие тогда разговоры о культе личности. С этим именем он каждый день рисковал своей жизнью. Да и чарок поднял за вождя немерено. Куда же без этого. «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина. Выпьем и снова нальём» – песня известная!

Во время одной из вылазок в тыл врага, где они брали языка, в отца прилетела вражеская граната, брошенная венгерским офицером, и осколками ему перебило ноги. (На том участке фронта вместе с немцами воевали и их союзники венгры.)

Совсем недавно мне пришлось вспомнить этот случай при необычных обстоятельствах. Я шёл на работу. Неожиданно около меня затормозила дорогая иномарка и в окне появилась усатая физиономия.

– Можно спросить? – на ломаном русском поинтересовался усатый.

Я сначала думал, что это заблудившийся турист, и выразил готовность помочь.

– У меня осталось после выставки несколько экземпляров дорогой цептеровской посуды. Я венгр. Я хотел бы вам сделать подарок. Не хочется везти обратно эти выставочные экземпляры. Мне разрешили их подарить. Вы, я вижу, приличный человек и не будете это перепродавать.

Усатый «венгр» не знал, что меня уже дважды пытались поймать на эту удочку, причём в разных городах. За совершенно бесплатный подарок меня попросили оплатить самолёт до Будапешта в размере 2 тыс. евро.

Я отговаривался, но «венгр» был настойчив, и тогда я не вытерпел:

– Спасибо. У нашей семьи уже был подарок от венгра – тот бросил в отца гранату во время войны. Так что венгерскими подарками мы сыты. До сих пор вспоминаем...

Жулик, а был ли он действительно венгром или ещё кем, не знаю, сразу скис, закрыл окно и укатил. Иногда полезно бывает освежить память, и не только себе...

Отец, заметив мой скучающий вид, хлопнул меня по плечу и сказал:

– Иди, погуляй вокруг кремля, только никуда не заходи, а то искать тебя придётся. Мы здесь ещё два часа простоим. Надо телефон разыскать и доложить начальству. Да смотри, не заблудись.

– Что я, маленький, что ли... Здесь и заблудиться-то негде. Ещё Великим называется...

Сказать-то сказал, но от машины решил далеко не отходить, мало ли что – город незнакомый.

Пройдя немного вдоль кремля, я попробовал найти вход, но вместо этого увидел глухую стену на другой стороне улицы и подумал, что это ещё одна крепость, и не торопясь побрёл дальше, часто оглядываясь, чтобы не потерять из виду машину с катером. Дорога привела к городскому оборонительному валу, который вызвал у меня полный восторг. Ещё бы, я впервые увидел настоящий земляной вал, на котором древние воины сражались с врагами. Поковыряв ботинком землю в надежде откопать какой-нибудь наконечник стрелы и ничего не найдя, я пошёл на берег полюбоваться озером Неро.

Красота вокруг открывалась неописуемая. Я и не буду её описывать. Скажу лишь, что мне тогда, как заядлому рыболову, было интересно, что за рыбёшка здесь водится и хорошо ли клюёт. Но спросить-то оказалось не у кого! И в ведёрко с уловом не заглянуть. Все рыбаки сидели в лодках далеко от кромки берега, и, судя по их количеству, рыба здесь водилась. «Рыбак – он не дурак, он зря ловить не будет!». Так обычно говорили взрослые мужики, ловившие с берега на донку в самой рыбной реке – Волге, на берегах которой и проходило моё детство.

Постояв так полчасика и поболтав с каким-то мальчишкой, который тоже оказался приезжим, я пошёл обратно к машине, беспокоясь, как бы она не уехала без меня. Проходя мимо больших ворот в стене крепости, я увидел, как оттуда, переваливаясь с боку на бок, выходит пожилая женщина в пёстром платке и с сеткой, полной огурцов.

– Скажите, пожалуйста, что это за крепость? – спросил я безо всякого стеснения у представительницы тогдашнего малого бизнеса, который, вообще-то, был под запретом в нашей стране.

– Да это не крепость, малой. Это Рождественский монастырь. Это вот церковь Рождества Богородицы, – она пока-

зала рукой на стройный, но немного непропорциональный храм. (Как я узнал позднее, в прошлом здание уравновешивала колокольня, которую впоследствии разрушили.) – А вот – Тихвинская церковь, только без куполов она сейчас.

Женщина оказалась словоохотливой и продолжила меня просвещать.

– Раньше здесь монахини жили, а теперь в их кельях мы живём. Ох, грехи наши тяжкие, – завершила она свой монолог и пошла искать место, где можно устроиться со своими огурцами. А я направился к машине.

То, что рассказала женщина о монастыре, меня не впечатлило. Да и что я мог знать о Богородице, в честь которой соорудили церковь? Почти что ничего. Я, конечно, понимал, что это мать Бога, видел её изображение на иконе у бабушки дома, и это, пожалуй, всё. Да и зачем было это знать пионеру? Хотя бабушка моя, глубоко верующий человек, так не думала. После рождения окрестила меня тайком, чтобы у отца не было неприятностей на работе, и крестик медный надевала мне на шею, когда я гостил у неё. Да заставила выучить «Отче наш». И это до сих пор единственная молитва, которую я знаю полностью. Богородицу она вспоминала часто в молитвах своих, но ничего о ней не рассказывала. Может, и сама мало что знала. Просто верила.

Глава вторая

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Святые апостолы Матфей, Марк, Лука, Иоанн во всех четырёх евангелиях, которые в своей первооснове являются их свидетельствами о земной жизни Христа, не упоминают о том, где родилась Богородица, в какой семье, как росла и воспитывалась. Они это всё, конечно, знали, поскольку глубоко почитали Матерь Божию. Но биографию её в Евангелии они начали с главного события – Благовещенья и рождения младенца Иисуса. Для нас, обычных людей, драгоценными являются все сведения о земной жизни Богородицы.

О рождении Богородицы написаны целые библиотеки глубоких и всеобъемлющих исследований. Но если говорить коротко, в рамках этой книги, рождество матери Иисуса Христа было таким:

В маленьком селении Назарет, лежащем в трёх днях пути от Иерусалима, жила семейная бездетная пара – Иоаким и

Анна. Жизнь прожили они вместе, вместе встречали старость, но так и не познали счастья отцовства и материнства. Оба супруга происходили из знатных родов, а Иоаким был вообще царского рода. Он являлся потомком знаменитого библейского царя Давида, победившего когда-то страшного Голиафа. Если вам хочется более детально узнать, каким был предок Девы Марии, зайдите в Москве в Пушкинский музей и там при входе вы увидите копию статуи этого библейского героя, которую создал гениальный Микеланджело.

Иоаким и Анна были благочестивыми людьми, проводя свою жизнь в посте, молитве, помогая бедным людям. Жизнь бездетных людей в Израиле была непростой. Их нередко упрекали в том, что они когда-то сильно согрешили, раз Бог не дал им потомства. Однажды Иоаким пришёл в храм, но ему, как бездетному человеку, не разрешили даже принести обычную жертву. И он, глубоко опечаленный таким несправедливым отношением людей, ушёл в пустыню, где сорок дней провёл в посте и молитве о даровании ему детей. Анна очень переживала за своего любимого супруга. Как-то она вышла в сад и тоже стала молиться о даровании ей ребёнка. Бог услышал молитвы супругов, послал к ним обоим ангела, который и возвестил, что у них родится дочь. «Имя ей будет Мария, и ею дастся спасение всему миру».

После этих знамений по обетованию Божию у Иоакима и Анны родилась дочь, и они назвали её именем, указанным ангелом Божьим. «Благодатною и Благословенною» называет её Евангелие.

«Рождество Твое, Богородица Дева, радость возвестило всей вселенной: ибо из Тебя воссияло Солнце правды – Христос Бог наш, и, разрушив проклятие, дал благословение, и, уничтожив смерть, даровал нам жизнь вечную».

Праздник Рождества Богородицы отмечается 8 сентября. Помните этот день! Тем более что в этот день произошло событие, которое имело огромное значение для всей нашей страны. Но об этом чуть позже.

Глава третья

А ЧАСЫ ИДУТ...

Я-211679-1

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная систе
города Ярославля»

Сколько раз за свою жизнь я проезжал мимо Ростова, давал слово: обязательно, когда время будет, приехать сюда на целый день, чтобы везде походить – полазать, потрогать руками и обласкать глазами нашу древнюю историю? Много, наверное. Не считал. В студенческие годы, которые пришлись на оттепельные шестидесятые, проезд на электричке от моего города до Москвы стоил всего два рубля. При повышенной стипендии, которую я получал некоторое время – целых 35 рублей, поездки в столицу на один день были вполне по карману провинциальному студенту. И я этим вовсю пользовался. Я любил Москву, любил побродить просто так, без всякой цели, заходя наугад в разные бесплатные для студентов музеи и музейчики, выставочные залы, а иногда и в театры. Всё это позволяло сделать какие-то открытия, нет, не для человечества, а для себя.

Однажды таким вот образом я забрёл в Новодевичий монастырь. Архитектура монастыря на меня тогда впечатления не произвела, а вот имена, которые я читал на памятниках некрополя, конечно, вводили в состояние перманентного почтения. Там я увидел воочию недавно установленный памятник Хрущёву, о котором тогда много говорили. Мне, естественно, было интересно, ведь на правление Хрущёва пришлась часть моей студенческой жизни. Перед своей отставкой он сделал доброе дело, в том числе и для меня: предоставил отсрочку от армии студентам, давая им возможность нормально доучиться. И я доучился, а долг Родине отдал потом. Носил погоны в одной спецслужбе 25 лет, потом в другой, вновь созданной, ещё пять.

Памятник Хрущёву, который создал «лейтенант Неизвестный Эрнст», как писал Вознесенский в те времена, больше поразил меня не своим видом, а фамилией автора. Я в то время жил в своём литературном мирке и прекрасно помнил всё то, что высказал Хрущёв о советских художниках во время посещения знаменитой теперь выставки МОСХа, в том числе и об Эрнсте Неизвестном. Это было и обидно, и несправедливо, тем более по отношению к скульптору-фронтовику. То, что этот человек отмечен даром Божьим, – это, я думаю, понимали почти все из окружения Хрущёва. Да и он сам, наверное, тоже. Он ведь был умным человеком, иначе вряд ли смог бы управлять огромным хозяйством великой страны почти десять лет. Но при всём том хорошем, что он сделал, развернув колоссальное жилищное строительство, почему-то ярче всего запомнились макароны по талонам в конце его правления. Не лучшее завершение карьеры.

Памятник поразил меня полным отсутствием какой-либо обиды «лейтенанта» на Первого секретаря ЦК КПСС и мудростью, с которой подошёл к созданию монумента автор. Он показал этот вечный груз, камень на сердце, в котором слились чёрное и белое в вечной, никогда не прекращающейся борьбе внутри каждого человека. Как настоящий художник, он возвысился над суетой повседневности.

Я не зря вспомнил Хрущёва. Тот памятный вояж по центральной России, с которого я начал повествование, запомнился не только постоянной радостью от дороги, от смены впечатлений и разнообразия сельских, таких родных пейзажей и тихих одноэтажных городков, но и однообразным видом церквей, расположенных на редких холмах посреди плоской зелёной, с чернеющими полосками лесов, равнины. У всех попадавшихся нам по дороге храмов купола были либо сбиты, либо проломлены, а кресты искорёжены или сброшены. Редко на какой звоннице висел одинокий, беспризорный

колокол. От всего этого веяло каким-то бесконечным сиротством, бесприютностью и унынием.

За время всего путешествия нам встретились всего две-три действующие церкви, с покрашенными в голубой цвет куполами и подновлёнными фасадами. Это было как чудо. Впрочем, это и было чудо! Увидев первый раз неразрушенную белоснежную церковь, около которой толпился народ, я очень удивился и спросил у отца:

– А почему она уцелела?

– Недосмотрели, наверное... Или люди не дали разрушить – и такое бывает. Но редко.

Мы быстро проскочили это небольшое село с действующим храмом и людьми, которые пришли туда. Мне тогда показалось, что всё это выглядело как эпизод из редкого по тем временам цветного фильма о старинной, дореволюционной жизни. Хотелось остановиться и посмотреть: может, здесь жили особенные люди? Следующее село на нашем пути уравновесило мои впечатления. Там всё было как везде – ободранные стены храма без куполов, зато с красным флагом над

сельсоветом, пьяными мужиками у нищего сельмага, где мы хотели купить хлеб, но нам не продали: местным жителям, дескать, не хватит. И в этом была своя справедливость и своя правда. Обидная для нас.

Недавно я разговорился с одним политологом, в прошлом историком, как раз на тему восстановления разрушенных в минувшую эпоху храмов. Ну, и по традиции в этой беде винил несостоявшегося священника Иосифа Джугашвили, более всего известного под псевдонимом Сталин.

– Ничего подобного, – ответил бывший историк. – При Сталине только начали, а в войну и после войны кое-где даже стали церкви восстанавливать. Добили храмы при Хрущёве. По его приказу стали разрушать то, что осталось. В коммунизм мы должны были войти полностью атеистическим обществом. Зачем нам православие, когда есть марксизм-ленинизм.

(Кстати, колокольня храма Рождества Пресвятой Богородицы была снесена тоже при Хрущёве.)

Но я всё же усомнился. Но и кто сейчас сосчитает и сравнит. Да это уже не так важно. Проехали!

Усомнился я в этой тяжёлой ответственности Никиты Сергеевича не зря. Были у меня, тоже в общем-то несостоявшегося историка, основания. Ведь я жил в те годы, много читал, много ездил, много видел. И у меня сложилось своё мнение. Ведь что ни говори, а именно в те годы на многих полуразрушенных храмах появились каменные скрижали: «Охраняется государством».

Это было как бы обещание – подновить и подправить. Когда руки дойдут, когда лишние деньги будут. Хотя всем известно – лишних денег не бывает нигде и никогда и ни у кого. Это противоречит самой сути денег.

В оттепельный период в нашей стране появились, как подснежники весной, ростки общественного мнения. Конечно, не по политическим вопросам. Избави Боже. А вот в

отношении сохранения исторических памятников – другое дело. Страсти тогда кипели и в прессе, и в разговорах интеллигенции. Мне самому в студенческие годы приходилось участвовать в жарких схватках настоящих интеллигентов и подвижников, часто, кстати, не русских по национальности, о сохранении культурного наследия. Особенно запомнились споры по поводу обманки в виде строительных лесов на церкви Николы Мокрого, что в Ярославле. Их поставили, но строители так и не появились. Они годами создавали впечатление, что за восстановление памятника вот-вот возьмутся. Да и цифра, которую озвучили нам на лекции по атеизму в институте: восемьдесят один действующий храм на территории области – тоже о чём-то говорила.

В г. Рыбинске, что на Волге-матушке, раскинувшемся вдоль берега на многие километры, стоит красивейший собор с высоченной ажурной колокольней, на котором есть такая редкость, как городские часы. Я был совсем маленьким, когда эти часы вдруг перестали ходить. Это было просто несчастье, многие тогда часов и вовсе не имели.

Остановка часов на соборе была в те дни главной новостью. Все очень переживали – неужели это навсегда? И до сих пор непонятно, что уж там случилось, но местная власть нашла немалые деньги, чтобы отремонтировать механизм часов на культовом здании. Жизнь не остановилась. Но это Рыбинск. Здесь часто действовали наперекор. А городские часы, как символ единения, ушли из жизни большинства городов. Каждый старается жить по своему времени.

В те же годы кому-то показалось, что этот собор портит социалистический облик города и его надо снести вместе с колокольней и часами.

Все думали – конец и собору, и восстановленным городским часам, не устоят, разрушат памятник архитектуры чиновные дяди и освободят место для какой-нибудь типовой хрущёвки, которая изуродует вид города с Волги. Вот

тут-то и проявилось невиданное ранее общественное мнение. Неожиданно появились публикации в защиту здания – и оно уцелело. Сейчас этот собор с высоченной, видной издалека ажурной колокольней, действующий и отреставрированный, – визитная карточка города. Страшно подумать, что кто-то сбил бы главный купол на этом памятнике. А маленькие купола, кстати, были сбиты раньше. Но к этому привыкли.

Руки к разрушению приложили многие, но нашлись и другие, охранительные силы, которые помогали спасти национальное достояние России, в том числе и среди городских властей. Очень яркий представитель этих сил – мой бывший педагог, член Союза писателей СССР Михаил Рапов, автор известного исторического романа «Зори над Русью». В те непростые годы он успел сфотографировать, описать и дать исторические справки по очень многим разрушенным храмам в нашем регионе: все свои изыскания он изложил в книге «Каменные сказы». Хотя она и выглядела как укоризна современникам – её издали за государственный счёт таким тиражом, о котором сейчас можно только вздыхать. Этой книгой он способствовал увековечиванию облика многих памятников, некоторые из них уже исчезли с лица земли.

Я не знаю, был ли там отмечен и полуразрушенный Рождественский монастырь в Ростове Великом. Книга эта теперь библиографическая редкость. Но я отсылаю к ней читателя, которому интересно наше прошлое.

А те часы на колокольне – и сейчас идут. Но, чтобы узнать время, надо посмотреть вверх. На небо.

Глава четвёртая

ВЕРА. ЛЮБОВЬ. ОТЕЧЕСТВО

Первый храм, посвящённый Рождеству Богородицы, как видно из исторической литературы, появился в IV веке, сооружённый по воле равноапостольной Елены, которая очень много сделала для утверждения христианства и поиска святых реликвий, связанных с земной жизнью Христа. Согласно исторической традиции считается, что именно она организовала поиски на Голгофе остатков креста, на котором был распят Христос.

Преподобный Сергий Радонежский.

Но сегодня мы ведём речь о России и городе Ростове, где и был основан один из первых монастырей Рождества Богородицы. Произошло это замечательное событие в 1390 году, через 10 лет после Куликовской битвы, где русские люди, впервые преодолев раздоры и усобицы, сплотились по благословению преподобного Сергия Радонежского вокруг московского князя Дмитрия и разгромили татаро-монгольское войско. Костяк, основу войска князя московского составили опытные, хорошо обученные бойцы, как бы сейчас сказали – профессионалы. Но встречалось, конечно, и немало простых крестьян и горожан, взявшихся за оружие с тем, чтобы покончить с иноземным игом.

Военачальники Дмитрия хорошо владели искусством ведения боя.

Противник им был известен давно, с XIII века, когда степные орды завоевали Русь, оставив, против своей воли, островок свободы – Великий Новгород. По моему мнению, именно с победы на Куликовом поле начинается процесс создания единого русского государства, формирование единого русского народа, не разделённого границами больших и малых княжеств.

Мощная духовная поддержка, оказанная князю Дмитрию и русскому войску преподобным Сергием, во многом предопределила победу и наметила дорогу, по которой пойдёт страна – к единому мощному православному государству.

После победы на Куликовом поле в разных частях Руси, как бы в благодарность Богородице за то покровительство, которое она оказала русскому войску, стали строиться церкви, посвящённые Рождеству Пресвятой Богородицы. Она всегда особо почиталась в русском народе, не зря её называли и называют заступницей. И простые крестьяне, и могущественные государи – все прибегали к её помощи, все просили её о поддержке в своих молитвах в трудные минуты. Люди знали и верили – она пожалеет и поможет каждому, кто этого достоин.

Основатель монастыря, святитель Ростовский Феодор, приходился племянником Сергию Радонежскому. Несомненно, что ему часто приходилось встречаться с духовным учителем Руси, и это общение, тот пример, который был у него в детстве, определил всю его последующую жизнь.

Когда мальчику исполнилось 12 лет, как гласит предание, сам преподобный Сергий постриг его в иноки и дал ему церковное имя Феодор. Вплоть до своего совершеннолетия юный Феодор постоянно находился рядом со своим дядей, поверял ему свои помыслы и жизненные планы, получал мощную духовную поддержку, готовясь к великим делам во славу Православной церкви. Став священником, он задумал

построить, и не где-нибудь, а в Москве, свою первую обитель в честь Рождества Богородицы. Может, предвидел великую освободительную и объединяющую миссию этого города? Преподобный Сергий, несомненно, был осведомлён об этих планах своего молодого ученика и поддержал его в этом начинании.

В 1370 году, за 10 лет до судьбоносной битвы, на берегу Москвы-реки Феодор основал монастырь, существующий и поныне. Феодор стал его первым архимандритом. Как следует из преданий, сам Дмитрий Донской часто посещал монастырь Рождества Пресвятой Богородицы и любил проводить время в беседах с Феодором. Именно поэтому, наверное, в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы на Старом Симонове покоятся герои Куликовской битвы – Пересвет и Ослябя, чьи имена и чей подвиг не потускнели со временем.

Основатель монастыря, святитель Ростовский Феодор.

Пересвет, если перевести на простой нынешний русский, – это значит «Очень светлый», или «Самый светлый». Приставка пере – кто ещё помнит – это превосходная степень. Недаром говорят, что имя – это судьба. Сверкнул Пересвет на небосклоне русской истории очень ярко, и память об этой вспышке жива в народе. Я даже думаю, что, если наши историки периода переменной облачности совсем перестанут упоминать это имя, оно всё равно не исчезнет из нашего сознания, так же как никогда не погаснут такие яр-

кие, «пересветные» понятия, как Москва, Волга, Вера, Любовь, Отечество. Эти понятия из разряда вечных.

Когда я писал эту главу, то задумался вот о чём: а были ли знакомы между собой герой Куликовской битвы Пересвет и основатель обителей Рождества Пресвятой Богородицы в Москве и Ростове Феодор?

Дело в том, что по преданию Пересвет родился и жил неподалёку от Ростова, в нынешнем Борисоглебском районе. Это всего километров 20 в сторону от Московской дороги.

Когда-то, очень давно, ещё студентом, меня послали в эти края на «государственную барщину» – копать картошку. По воскресеньям, когда трактористы отдыхали, и мы с ними заодно, я обычно отправлялся на пешие экскурсии по земле, каждый метр которой – это сама русская история.

Однажды я зашёл в несусветную даль – километров за 10 от деревни, где мы квартировали. Местные жители мне рассказали о каких-то ордынских холмах, и я предположил, что это может быть место неизвестной стычки между монголами и русскими. Я добрался до предполагаемого археологического памятника и увидел несколько холмов, покрытых лесом и кустарником, и, конечно, ничего понять там было невозможно. Были это искусственные сооружения либо природные возвышенности – для выяснения этого были необходимы раскопки.

Походив вокруг, я набрёл на брошенную давным-давно небольшую деревеньку. Ни одного жилого дома там я не нашёл. Всё покорёжено, выломано, а полезное и нужное в хозяйстве разобрано и унесено. Я зашёл в одну из избушек с провалившейся крышей и вздрогнул от неожиданности, увидев, что на меня в этом безлюдном и тихом месте в упор смотрят строгие глаза – глаза Спасителя. В углу, сваленные в кучу, лежали несколько икон, на которых уже не было изображения. Морозы и дожди стёрли лики, стыдливо укрыв следы человеческой неблагодарности и маловерия. На эти иконы как раз и упал солнечный луч и высветил одну-единственную, где сохранилась часть изображения – только глаза

Господа. Взгляд этих глаз меня поразил, и я не смог оставить икону в заброшенной избе. Я хорошо помнил, как бережно относилась к иконам моя бабушка. Поэтому для меня оставить икону там, где она лежала, было равносильно тому, чтобы оставить без помощи нуждающегося в ней человека. Я поднял икону, осторожно протёр её и завернул в газету. А затем пошёл обратно, с каким-то странным ощущением, что я, наверное, нашёл то, зачем сюда меня Бог привёл.

И холмы ордынские были здесь совсем ни при чём.

История находки на этом не закончилась. Убрав всю картошку на бесконечном колхозном поле, мы возвратились наконец-то домой. Икону я показал приятелю, а тот у меня её выпросил. Парень был начинающий художник, и я подумал, что, может быть, он её реставрирует когда-нибудь.

Спустя несколько лет я приехал в Москву поработать в Ленинской библиотеке. Ночевать отправился к своему другу, который уже несколько лет жил в столице, женился и приобрёл небольшую комнатёнку где-то на окраине. Когда я вошёл в комнату, где мне предстояло ночевать, первое, что я, к своему удивлению, увидел, – это всепроникающий взгляд Спасителя. На стене висела та самая икона, которую я когда-то нашёл в брошенной избе и где остался один взгляд Бога. Мне нетрудно было понять, откуда она взялась здесь. Этот мой московский товарищ с очень сложной судьбой стал потом глубоко верующим человеком, а его сын – священником. Ну а я – я этот взгляд с иконы никогда не забывал и всегда чувствовал на себе.

Через неделю я, опять же пешком, отправился осмотреть Борисоглебский монастырь. Вот уж где была настоящая крепость – грозная, мощная, способная выдержать самые серьёзные нападения. Но, как я увидел, от монастыря остались одни воспоминания.

Прямо на улице, прислонённые к стене церкви, стояли изображения неведомых мне святых, по-моему, Бориса и

Глеба: подписей было не разобрать. Это, скорее, были даже картины, а не иконы. Взять их я не мог – слишком большие были, метра полтора в длину, да и местные жители легко могли принять меня за фарцовщика и сдать в милицию. Вот тогда-то один из моих спутников и вспомнил, что где-то здесь родился и жил Пересвет. Но Борисоглебская крепость-монастырь была построена позднее, уже при Иване Грозном, так что место его служения явно находилось не здесь.

Но и Пересвет и Феодор – оба были монахами, оба получили благословение от одного человека – Сергия Радонежского. Один – на ратный подвиг, другой – на укрепление православной веры. Да и по возрасту, как мне кажется, они не слишком отличались друг от друга. Поэтому, по моему мнению, они наверняка могли неплохо знать друг друга, встречаясь на подворье своего духовного учителя. Молодые ребята – им наверняка было о чём поговорить.

По мнению некоторых историков прошлого, Пересвет неплохо владел навыками ведения боя, хотя, честно говоря, я не очень понимаю, где он этому мог научиться. Вряд ли в монастырях были классы военной подготовки. Но тогда почему именно Пересвет вызвался сразиться в поединке с таким серьёзным и подготовленным воином-монголом, каким был Челубей? По традициям того времени считалось: чей воин победит в поединке, то войско и одержит победу в битве. Победа своего поединщика вдохновляла воинов. И, конечно, на схватку выставляли самых сильных и умелых бойцов.

По некоторым свидетельствам, Пересвет, взяв копьё, сказал, что впервые держит в руках оружие. Но добавил, что Бог его научит. Но почему-то никто не остановил его, не предложил заменить на другого, более подготовленного воина.

Оба бойца схлестнувшись в поединке, пронзили друг друга копьями и пали замертво. Получается, что Пересвет на равных бился с Челубеем и не уступил ему, несмотря на то, что был простым монахом, а не воином. Я не буду даже пытаться как-то объяснить это. Это вне моего разумения. Про-

сто я представил себе, что было бы, если бы против чемпиона страны по каратэ вышел студент-историк, не имеющий навыков борьбы. Но всё произошло так. Или примерно так. В любом случае Пересвет поразил врага, но и сам погиб, выполнив свой долг, свою миссию в земной жизни. И мы ему благодарны за это, за то и помним его.

А похоронили его в монастыре, который основал Феодор, всё же не случайно. Феодор был земляком Пересвета, да и духовным учителем у них был один человек – Сергий Радонежский. Это наверняка сыграло свою роль в выборе места упокоения героя.

Оба эти человека когда-то почувствовали на себе взгляд Бога, выбравшего их для великих дел, и выполнили то, для чего были предназначены.

Феодор был известен своим современникам не только как хороший организатор и проповедник, но и как искусный дипломат. В 1383 году московский князь направил его в Византию, в Константинополь, где Феодор пробыл около двух лет, установив самые тесные отношения с Константинопольским патриархом Нилом. По-видимому, Феодора в ту пору занимают не только вопросы церковных взаимоотношений. После Куликовской победы Русь нуждалась в мощных союзниках, а православная Византия могла оказать существенное влияние на становление и укрепление единоверного Русского государства.

Во время второго посещения Константинополя в 1386 году Феодор был возведён Константинопольским патриархом Антонием в сан архиепископа Ростовского.

Феодор, несомненно, являлся человеком разносторонних дарований. Обнаружив в себе способности к живописи, он написал первую икону преподобного Сергия Радонежского, которая, по сути, стала канонической. Как художник он творил в эпоху великого Андрея Рублёва, чьи иконы и росписи, несомненно, знал и, наверное, чему-то учился у знаменитого иконописца.

Феодор также много путешествовал, что было в те времена делом и трудным, и небезопасным. Он не только побывал в Византии, но и посетил Киев, мать городов русских, и Кафу, а затем решил обосноваться окончательно в Ростове. Тогда-то он и задумал основать ещё один монастырь, на этот раз – женский. Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы.

Почему он решил совершить этот новый жизненный подвиг? Ведь один подобный монастырь он уже основал в Москве. Что им двигало? Мне думается, всё дело в том чувстве благодарности, которое испытывал Феодор не только как служитель церкви, но просто как русский человек, воспитанный к тому же главным духовным отцом освободительной миссии преподобным Сергием. Мы никогда не должны забывать, что битва на Куликовом поле была выиграна в день Рождества Пресвятой Богородицы. Я не верю в простое совпадение, как это всё объясняли в прошлом. Слишком многое здесь сошлось и решалось – будущая судьба огромной православной державы, которой пришлось нести свет святой веры всему миру после падения Византии. Если бы Русь проиграла битву – мы бы сейчас жили совсем в другой стране.

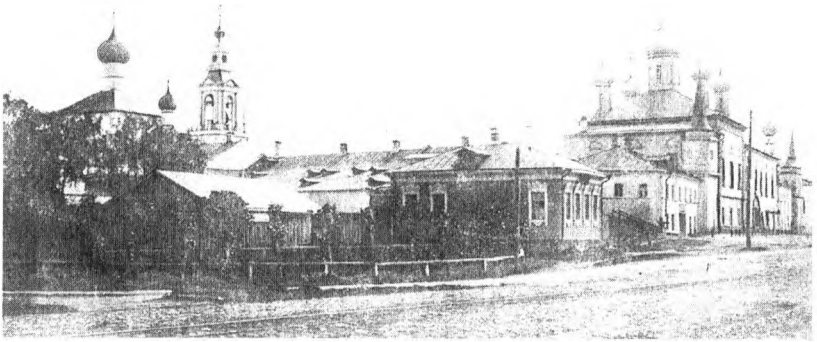
Мне думается, основатель не долго выбирал место будущей обители. Расположив её рядом с ростовским кремлём, он как бы подчеркнул её значение. Но, в то же время, построенный несколько позднее потрясающий по красоте ансамбль ростовского кремля, который создавался как резиденция митрополита, закрыл Рождественский монастырь собой, как мощный дуб скромную берёзку, выросшую рядышком. Но это не сказалось ни на жизни обители, ни на её славе.

Сколько раз, проезжая мимо Ростова на машине, в узкие просветы между деревьями я любовался чудесной, сказочной картиной – белоснежный, как лебедь, кремль, отражённый в зеркале озера Неро. И у меня почему-то всегда возникала ассоциация с Тадж-Махалом, одним из красивейших архитектурных памятников, которые когда-либо строило челове-

чество. Я не был в Индии и никогда не видел этого мавзолея воочию. И тем не менее ещё в далеком детстве я получил полное представление о нём, рассматривал репродукцию с картины гениального художника и философа Рериха, на которой изображён белоснежный Тадж-Махал, отражённый в речной глади. Эти два шедевра русской и индийской архитектуры, в моём понимании, стоят наравне друг с другом. Жаль только, что полюбоваться на Тадж-Махал едут миллионы людей со всего света, способствуя благосостоянию страны, а у нас ручеёк из туристов пока ещё не превратился в бурную реку, которая могла бы изменить в лучшую сторону жизнь ростовчан, да и не только их. Но эти времена, наверное, наступят, когда удастся поднять и установить последний, сбитый то ли революцией, то ли стихией, купол на последней восстановленной церкви, даже если она стоит сейчас посередине полуживого села.

Я верю, что всё это будет. Несомненно будет, если, конечно, мир не перейдёт последнюю черту и мы не ввяжемся в очередную европейскую разборку, после которой мы всех в очередной раз освободим и будем потом выслушивать проклятия от тех, кого выручили.

Да, прав был Владимир Владимирович, я имею в виду Маяковского: «Мы диалектику учили не по Гегелю». А если бы по Гегелю – кто знает, как бы развернулась история.



Глава пятая

БОГ ВСЁ УСТРОИТ

Как-то, очень давно, мне довелось полюбоваться и рассмотреть ожерелья, браслеты, кольца, найденные в гробнице Тутанхамона, единственной, которая не подверглась разграблению в древности. Зато её неплохо подчистили англичане Картер и Карнавон в 20-х годах XX века. Но благодаря этому бесцеремонному вмешательству в дела потусторонние мы сейчас можем, хотя бы отчасти, понять, что это были за люди, египтяне, создавшие мощную и очень устойчивую цивилизацию почти четыре тысячи лет назад. Когда смотришь на предметы, сделанные так давно, всё время ищешь какие-то таинственные смыслы, которые, может быть, вкладывали древние в свои украшения. В те же ожерелья. Я, когда писал эту книгу, чтобы отвлечься, ещё раз пересмотрел снимки сокровищ

юного фараона, особенно различных ожерелий и браслетов, которые во множестве были обнаружены на мумии. И всё это время меня не покидала мысль, что здесь скрыта какая-то неразгаданная тайна, что я вижу ювелирное воплощение разных человеческих судеб, может и судьбы самого фараона. Сложнейшие узоры, фантастические фигурки людей, животных и птиц и растений, замысловатые композиции – и вдруг какой-то простой камушек вроде кварцита либо лазурита или гладкая золотая бляшка, без всяких затей. И всё это закольцовано, и начало твёрдо цепляется за конец.

Это я написал к тому, что события моей жизни, на основе которой тоже можно сплести замысловатое ожерелье, закольцовывались в Ростове. Совсем недавно, спустя 55 лет после первого знакомства с этим городом, я оказался в той же самой точке, с которой когда-то рассматривал обезглавленные ростовские памятники древнего зодчества.

Сейчас с главами полный порядок, всё на месте. Но так думал я не долго, ровно до тех пор, пока не начал осматривать расположенный по соседству монастырь Рождества Богородицы. Вернее то, что от него осталось. За этим я сюда и приехал.

В самом центре города, где в архитектуре кремля ощущается небесная гармония, стоит по соседству невидимая, замаскированная под обычное кирпичное здание, церковь иконы Тихвинской Божьей Матери. Хорошо, хоть там после закрытия храма не устроили склад ГСМ или пиломатериалов, а расположили библиотеку, то есть там было отопление и надёжная крыша. Ну, и люди сюда приходили не кирпич выломать, а книжки взять. Но купола не сохранились. Кто их снёс? Смерч или люди, которые могут разрушать не хуже смерча? Это уже не так важно. Вот он, простой малозаметный камушек в историческом ожерелье этого города, не зря названного Великим. Камушек, без которого ожерелье Истории теряет свою завершённость.

Я узнал эту церковь даже спустя десятилетия. Именно на неё и на Рождественский храм указала мне тогда тётка с

огурцами, которая, сама того не желая, жизнь прожила не в обычном городском доме, а в монастырской келье. Жилищный кризис в стране, ещё не полностью отстроенной после войны, был лютый. И люди радовались любому месту, где можно было жить, даже келье, самому, наверное, намоленному месту в монастыре. Как там себя чувствовали обычные люди – жили ли дружно, ссорились ли, или дрались по праздникам, чувствовали ли неудобство от того, что заняли чужое место, – кто знает? Наверное, всё было. Как везде. Но то, что эти кельи дали многим бездомным людям приют, – бесспорно. Только вот что стало с насельницами: исчезли без следа, зажили обычной жизнью обывателя? Не думаю. И вот почему.

Лет двадцать назад генерал А. С. Разживин – начальник управления, где я служил, поручил мне, тогда уже полковнику, отвезти двух московских крупных чинов в Толгский монастырь, ещё только начинавший обретать свои первозданные черты после десятков лет разрухи и надругательств. Объяснения нам давала молодая послушница, на редкость красивая, яркая женщина, и бравые офицеры не могли не заметить этого. Несмотря на комплименты, которыми сыпали москвичи, послушница как бы попускала всё, что они говорили, мимо ушей. А затем приезжие, увлечённые её интересным рассказом, полностью переключились на осмотр шедевров русского зодчества. Один из генералов, увидев огромную трещину, проходившую через всё тело храма, выразил сомнение, что это можно устранить и сохранить собор, имевший более чем двухвековую историю. Но послушница, объясняя, почему все здания можно восстановить, проявила такие глубокие познания в строительстве и архитектуре, что мои коллеги поинтересовались, кто эта женщина по профессии. Оказалось, что она окончила архитектурный факультет, в общем, была квалифицированным специалистом. При этом она между делом заметила, что готовится к обряду пострига в монахини.

Тогда один из гостей с недоверием сказал:

– Вы, с вашей красотой и прекрасным образованием, и в монахини! Вы не выдержите, уйдёте, жизнь возьмёт своё.

– Нет, – твёрдо ответила женщина, – это навсегда. Я, что бы ни случилось, буду монахиней. Всегда и везде. Бог меня опекает.

Гости хотели продолжить дискуссию, но она их мягко прервала и, попрощавшись, ушла. Мои коллеги как-то попритихли, и мы молча вернулись к ожидавшей нас «Волге».

«Бог меня опекает»! Я думаю, что и тех насельниц, которые когда-то вынуждены были уйти, Бог не оставил, и они провели жизнь так, как и хотели, в согласии с Господом. Хотя и вне монастыря. Просто принятое однажды решение такого рода не подлежит пересмотру, и нет смысла объяснять почему.

Лет тридцать назад, на учёбе в Киеве, мне пришлось по роду службы присутствовать на лекции священника-расстриги. Лекция носила, естественно, атеистический характер. Бывший пастырь прекрасно владел устной речью, говорил красиво и убедительно, приводя различные негативные примеры из жизни той среды, в которой он находился, видимо, не один год. Он просто упивался своей эрудицией, и мне казалось, что он даже не видит аудиторию. Но не тут-то было. Как только я о чём-то пошептался со своим коллегой, сидевшим рядом, расстрига визгливым голосом потребовал у руководства, чтобы меня немедленно наказали в назидание всем. Я помню то чувство неудобства, которое испытали мы все, профессионалы-контрразведчики, наблюдая эту неадекватную реакцию человека, который, видимо, остро чувствовал свою ущербность. Не только меня, но и других не покидала мысль, что ещё совсем недавно он так же красиво и убедительно проповедовал евангельские истины. И люди его слушали и верили ему. От всего его выступления исходил дух предательства. А у нас предателей не любят.

Я снова попал в Киев почти десять лет спустя. Там вовсю шла подготовка к отделению Украины от России, на улицах приветливого города стало тревожно, появились какие-то группы молодёжи в чёрных «петлюровских», как я считал, шинелях. Ряженые казаками люди ходили по улицам, прославляя какого-то гетмана. А на одной из афиш я случайно зацепился взглядом за фамилию того самого расстриги. Он создал какой-то политический театр и сам там выступал. Догадываюсь, что за содержание было у его политических пьес. Предательство как привычка.

Я понимаю: возможно, он был жертвой обстоятельств. Не устоял когда-то, сломался. Но дело, думаю, в другом. Просто он не верил в Бога по-настоящему. Вот и всё.

У меня была договорённость о встрече с игуменьей монастыря матушкой Афанасией. Я подошёл к огромным металлическим воротам и нажал на кнопку звонка. Мне ответили и, выяснив у меня цель посещения, сказали: «Напротив голубой крыши увидите здание с крыльцом – туда и заходите». Но – странное дело. Видимо, если использовать терминологию Евангелия, глаза мои были «удержаны», и я нигде не заметил калитки, а ворота были закрыты наглухо. Поэтому я пошёл не торопясь вдоль стен по узкой, протоптанной среди метровых снегов тропинке искать вход и волей-неволей обошёл почти весь периметр. Кругом были казённые дома – загс, милиция, ещё что-то, но входа я так и не нашёл. Пришлось вернуться на исходную точку и тут, очень внимательно приглядевшись, я наконец-то увидел слабые очертания двери и вошёл на территорию славного более чем шестисотлетней историей монастыря.

Много я видел в жизни разных развалин; одни сохраняют свою благородную породу и будучи в полуразрушенном состоянии, другие смотрятся просто как руины. Именно руины я увидел вокруг и внутри Рождественского монастыря. Каким-то бесприютным сиротством дохнуло на меня от

зданий, бывших когда-то либо административными, либо жилыми корпусами, от двух храмов – один из которых был без куполов, другой без колокольни, от территории, засыпанной февральским снегом с лежащими брёвнами и остатками каких-то конструкций. И всё же чувствовалось, что место здесь намоленное и благодатное. Даже на фотографиях, которые мы сделали, я впоследствии увидел два небольших зелёных огонька. Есть поверье, что так проявляются намоленные места. Хотя, может, это просто игра света, не больше того.

«Господи, сколько же здесь работы, какие силы и какие деньги потребуются, чтобы всё привести в порядок, хотя бы относительный», – думал я во время этой экскурсии.

Меня поводили по корпусам, где шли восстановительные работы, несколько мужичков-строителей, гревшихся в небольшой отапливаемой комнате среди простуженного корпуса, где ещё сохранились какие-то полки, валялись банки из-под огурцов, какая-то бытовая дребедень, брошенная ушедшими отсюда жильцами. Эти мужики – пока единственная надежда на то, что восстановление монастыря не остановится.

Конечно, занятие не самое приятное для меня, седого человека, ходить по шатким доскам, проложенным над неглубокими пропастями вместо пола, – но оно того стоило. Масштабы бедствия, которое постигло этот славный уголок Родины, впечатлили надолго. Ощущение безнадёжности от увиденного не покидало меня до тех пор, пока я не попал в небольшое пространство трапезной, недавно отреставрированной, которая выглядела как чудесное видение среди всеобщей разрухи.

– Ничего, – сказала с улыбкой, которая никак не вязалась с окружающей действительностью, матушка настоятельница, увидев мою унылую физиономию, – мы всё восстановим с Божьей помощью.

«Разве что, – подумал я. – Остаётся только и рассчитывать на Божью помощь. Что могут сделать несколько пожи-

лых насельниц да небольшая бригада неулыбчивых мужиков, которые, как я понял, делали что могли и что умели. И не слишком торопливо. Понятно! Настоящий реставратор – он одну доску может месяц прибивать, чтобы соблюсти историческую достоверность здания».

– И всё-таки, – продолжала с увлечением матушка Афанасия, – мы за пять лет, что я здесь, провели канализацию, электричество восстановили, отопление сделали, водопровод. Трудов много, но Бог с нами, всегда поможет. Да и матушка Пресвятая Богородица нас не оставит. Всё сделаем.

Прошлая моя профессия оставила мне в наследство на послепогонный период жизни высокий уровень критики и недоверия. Я бы, может, и засомневался, как обычно, и высказал бы десяток аргументов, почему восстановить всё это при нашей, по крайней мере при моей, жизни не получится, но, глядя в глаза человека, который уже в своих мыслях видел всё вокруг прибранным, отмытым, отчищенным, засаженным фруктовыми деревьями, сверкающим золотом и серебром куполов восстановленных храмов, – отбросил свои дурацкие мысли. Бог поможет. Он же всемогущ. Он может совершить чудо! Руками людей. Обычных людей. Вот в это я верю. И вот почему: дело в том, что и появился на свет я, по-моему, благодаря чуду, другого объяснения не подберёшь.

Вот как об этом гласит наша семейная легенда.

Мой отец воспитывался в обычной питерской семье. Судя по тому, что после кончины моей бабушки родственники прислали матери завещанную ей серебряную театральную сумочку работы Фаберже (подобную я потом видел в Гохране тогда ещё нашей Украины), семья деда не бедствовала. Отец, как я уже упоминал, во время войны попал на Воронежский фронт, где и был тяжело ранен во время атаки на штаб какой-то венгерской части. Товарищи-разведчики вытащили его с линии огня (а дело было зимой) и оставили, перевязав наспех, в во-

ронке от бомбы, пообещав быстро вернуться за ним, поскольку им надо было доставить к своим языка. Не знаю, о чём думал отец, лёжа в воронке, раненый, на холоде – может, молился! Может, с жизнью прощался, только Бог услышал бойца, и за отцом приполз санитар, который на себе вытащил его к своим. Отец был уже без сознания, когда санитар притащил его в медсанбат, но в суматохе забыл захватить винтовку бойца, а без винтовки раненого не принимали. Таков был порядок. Жёстко, почти жестоко. Санитар ещё раз сползал к той самой воронке, уже ночью, и принёс винтовку отца, которого почти сразу отправили в госпиталь. Санитар, в общем-то, подвиг совершил, спасибо ему. Спас отца от верной гибели. Через два дня к отцу подошёл главврач и сказал:

– Ну, что, Николай, держись. Ноги у тебя отморожены и перебиты. Ампутировать придётся.

И ушёл. Но Бог, видимо, решил проявить своё милосердие до конца. Вот тут и произошло чудо – чудо Божьей любви и человеческой солидарности. Медсестра, которой, видимо, понравился черноглазый боец с питерскими манерами – даже в раненом состоянии, раздобыла фляжку с медицинским спиртом и стала батьке протирать израненные и посиневшие ноги по нескольку раз в день. Когда врач через пару дней осмотрел отца, чтобы окончательно решить вопрос об ампутации, то увидел, что ситуация кардинально улучшилась, синюшность стала меньше.

– Подождём ещё, отрезать всегда успеем, – пробормотал он.

Медсестра продолжала своё лечение спиртом – и ноги у отца отошли. Ему сделали операцию, часть осколков вытащили, часть так и не смогли. Но он остался жив! И ноги ему сохранили.

Он пришёл домой на костылях, но не калекой. А вскоре и костыли не понадобились. А в 1947 году родился я. И если б не то чудо – кто знает? Эту книгу написал бы кто-то другой. Но это была бы уже другая книга.

Отец был партийным, много лет потом работал директором завода, но всегда оставался верующим. Но верующим, что называется, про себя. У него всё это спокойно уживалось, не мешая друг другу. На пасху любил сам красить яйца. После всего пережитого – иначе и быть не могло. На войне, как говорили бывалые люди, атеистов нет! Тем более что из его роты в живых осталось семь человек. Было за что Бога благодарить.

Разные времена переживал монастырь за свою длинную историю, в которой, как в том ожерелье древнего египетского правителя, были эпизоды – украшения, а были и одноцветные простые камушки. Когда я посмотрел летопись монастыря, составленную на основе научных поисков учеными-историками Ростовского музея-заповедника, опубликованную в книге, написанной В. И. Вахриной, меня удивило, что за более чем 600 лет существования обитель пострадала серьёзно (до её закрытия, конечно), всего дважды. Один раз, в 1408 году, она сгорела во время большого ростовского пожара и в 1608 году была разорена отрядом, посланным Лжедмитрием, после отказа подчиниться самозванцу. А далее, после восстановления от этих бед, монастырь только развивался, прирастая и новыми зданиями, и новыми угодьями, которые позволяли монахиням вести своё хозяйство. Мне показали сохранившиеся конюшни. Поразила добротность этого сооружения, которое ещё может послужить именно для хозяйственных нужд. Деревянные строения постепенно уступали место каменным. В 1680 году при содействии митрополита Ростовского Ионы на месте деревянного здания собора Рождества Пресвятой Богородицы построили каменное.

Были и времена то ли опалы, то ли ещё чего-то непонятного для нас, людей сегодняшних. Так, в 1736 году архиепископ Ростовский Иоаким запретил крестный ход с Тихвинской иконой, хранившейся в Рождественском храме. Через 6 лет этот крестный ход был возобновлён.

Несомненно, что расцвет жизни в этой обители пришёлся на XIX век. Всё украшалось, укреплялось. Кое-что переделывалось, как и положено в хорошем доме, которым мудро управляют. И венценосные особы сюда заглядывали, чтобы на службе постоять и к святым иконам приложиться. Так, в 1818 году здесь побывала императрица Мария Фёдоровна, жена императора Павла I, которая много занималась благотворительностью.

В 1891 году собор посетил обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев, оставивший заметный след в истории России. Когда я учился, в наших учебниках его, в основном, поносили, называя реакционером и душителем просвещения. Изменилась ли точка зрения сейчас в отношении его деятельности – не знаю, не уследил. Да, честно говоря, это не так уж и важно. Сейчас позиции историков меняются, как погода в нашей области. Сплошная переменная облачность.

В 1894 году в обитель приехал Иоанн Кронштадтский, причисленный позднее к лику святых. В той же книге В. И. Вахриной приводится эпизод, характеризующий этого человека. Прибыв на поезде на ст. Ростов поздно вечером, он не поехал сразу в монастырь, чтобы не будоражить насельниц, а спокойно дождался утра и появился к началу службы. Хороший урок – и для больших, и для малых.

В 1907 и 1908 годах здесь побывал святитель Тихон, будущий Патриарх Всея Руси. В те годы в монастыре проживало до 150 человек, перед закрытием монастыря в 1926 г. осталось 92 человека. Сейчас – 4. И то, что эти четверо смелых пришли сюда, – главная надежда на возрождение былой славы этой, одной из старейших в России, обители.

В разорённом, иного слова не подберёшь, храме Рождества, когда мы туда попали, стоял промозглый холод, который сразу пронзил, как иголками, мой тонкий пуховик, и я уже начал подумывать о том, чтобы максимально сократить свои лазанья по шатким доскам. Тем более что всё время при-

ходилось смотреть под ноги, а не по сторонам. Но все мои опасения (простудиться или сломать себе что-либо) испарились, как только я увидел росписи на стенах храма. Собственно, из-за них я сюда и приехал. Мне их продемонстрировал, сняв на телефон, мой бывший коллега, который ранее побывал здесь. А ему, в свою очередь, аналогичные фотографии показала его знакомая художница Овсиенко, приезжавшая сюда на этюды.

Росписи поразили меня прежде всего яркостью и свежестью красок, прекрасно сохранившимися сюжетами на евангельские темы. Почти вся живопись, которую я видел, казалось, только вчера была закончена художником. Это выглядело просто фантастично. Конечно, всё это нуждалось в реставрации, в подновлении, но и в сегодняшнем виде фрески просятся в книгу по искусству живописи XVIII века. Ведь выполнены они были, скорее всего, ярославскими мастерами почти 300 лет назад. А по манере исполнения отдельные фигуры, как я заметил, напоминают шедевры русской настенной живописи, подобные тем, которые можно увидеть в Ильинской церкви в г. Ярославле. Судя по всему, одна школа. Хотя, может, я и ошибаюсь.

Почти два часа я бродил по древнему монастырю, всё больше и больше понимая, что восстановление будет долгим и растянется, наверное, не меньше чем на десятилетия. Просто я хорошо помнил, как постепенно, шаг за шагом восстанавливался Толгский монастырь, став истинным украшением нашей страны. Но тогда, в конце 80-х, на волне подъёма общественных сил страны, помощь шла отовсюду – и всё равно воссоздание заняло почти тридцать лет. Мне было ясно, что игуменье монастыря матушке Афанасии предстоит преодолеть такие трудности, перед которыми спасовал бы и мужчина.

Когда-то, четверть века назад, я познакомился со священником, который, как и я, был депутатом местного совета. Мы частенько встречались в тяжёлые и опасные времена начала 90-х и, конечно, обменивались мнениями по разным во-

просам. Мне, человеку мирскому, интересно было выслушивать его мнение по разным житейским вопросам. Как-то, сидя с ним за рюмочкой в его день рождения, я начал жаловаться на многочисленные неурядицы в своей жизни, которые преследовали меня с завидным постоянством. Он что-то мне говорил, я слушал вполуха, понимая, что мои проблемы – это мои проблемы и больше ничьи. И вдруг батюшка произнёс формулу жизни, которая поразила меня и простотой, и верой в лучшее: «Не беспокойся, Бог всё устроит. Верь только».

Я это хорошо запомнил. И когда заводится в моей жизни очередная нескладуха – произношу, как молитву, эту формулу: «Бог всё устроит. Надо только верить». И знаете, действительно, всё как-то устраивается, но, конечно, не само собой. Бог помогает тем, кто сам к чему-то стремится.

Я вспомнил об этой формуле жизни, когда, продрогший до костей, бродил от здания к зданию, осматривал разрушения и прикидывал объём работ. И пытался убедить себя, что здесь Бог всё устроит тоже. Надо только верить и помогать ему. И всё же увиденное мною к оптимизму не располагало.

Настоятельница, видя моё бедственное положение, пригласила меня в трапезную, чтобы согреться да чаю выпить. Я с радостью согласился. Как положено вести себя во время трапезы, я не знал, поэтому стал повторять все действия монахинь и послушниц. Я с удовольствием отведал простой монастырский обед. Правда, вилки я нигде не нашёл, поэтому так и съел второе с помощью ложки. Как в детстве. Маленькое испытание на смирение. По-моему, я его выдержал, никого не потревожив. Монастырь – это место молитв и смирения. Это я знаю хорошо. Потом выяснилось, что вилки там никогда не подают. Такова традиция.

Когда я покидал монастырь, матушка Афанасия спросила меня о том, о чём хотела спросить после того, как я назвал себя и сообщил, что собираюсь написать книгу об обители.

– А вы знаете, из какого рода был основатель монастыря Феодор?

Матушка Афанасия и автор этой книги.

– А разве это имеет какое-то значение?

– В данной ситуации – да, имеет. Он из рода Симоновых. Одну фамилию носите. Удивительно, правда? Вот ведь как Господь управил!

Я был обескуражен этим совпадением и, честно говоря, не знал, что и сказать. В этом была какая-то тайна, явно не моя. Получается, что Господь полсотни лет назад привёл меня на это место, затем вёл по моей длинной и извилистой жизни и, в конечном счёте, вернул в пожилом возрасте сюда опять, чтобы я создал книгу о монастыре, который основал то ли мой однофамилец, то ли дальний родственник, – всё может быть. Фамилия, конечно, не такая уж редкая, но...

Я уезжал хотя и в холод, но с теплом в душе. Как будто вновь обрёл что-то родное, то, что потерял когда-то. Мне бы хотелось, чтобы те же чувства испытали и другие люди, которые будут приезжать сюда и через год, и через сто лет. И пусть здесь отогреется их душа. Здесь они почувствуют тепло, идущее от Господа и Матери Его Пресвятой Богородицы. Ведь здесь их дом. И здесь всем рады.

Глава шестая

КРЕСТ ЖИВОТВОРЯЩИЙ

А зачем вообще нужны монастыри в XXI веке? Может быть, это какой-то рудимент, или, как раньше говорили, пережиток прошлого, очень давнего прошлого, которое выглядит таким уютным на старинных лубочных картинках, но для настоящего совершенно бесполезно? Может быть, лучше, чтобы оно так на этих картинках и оставалось, радуя глаз моих современников своей пасторальной безмятежностью? И зачем вообще возвращаться в прошлое?

Вопрос риторический. Ведь не случайно, совершенно не случайно в монастырях, разбросанных по всей России, опять

затеплилась жизнь. Не случайно государство ушло с позиций воинственного атеизма и перестало искусственно препятствовать их возрождению. И всё-таки: зачем?

Вряд ли писатель вправе отвечать на подобные вопросы. Его задача – эти вопросы ставить, а ответы должен искать каждый сам. И всё же какая-то часть, пусть малая часть, ответов у меня есть!

Посмотрите, как выглядят наши русские монастыри. Помимо прочего, это ещё и мощные фортификационные сооружения, построенные с учётом возможного отражения серьёзного нападения. И не просто каких-то бродяг и разбойников, а регулярного войска. Во время того памятного путешествия в моём детстве мы однажды видели старинный, тогда заброшенный монастырь-крепость со следами смолы на стенах. Видимо, крепко пришлось обороняться. Спросить было не у кого, и где это я видел – уже не помню. Помню только эти тёмные подтёки на кирпичах, не исчезнувшие за много веков следы былого сражения. Да, монастыри строились и как островки безопасности, где можно было укрыться при угрозе нападения и соседнего князя, и иноземного войска. Да и в Великую Отечественную они тоже вспомнили своё славное прошлое.

Защита физическая – это не главная задача, лишь вспомогательная. Да и от кого и от чего могут защитить эти стены в наше время? Главная защита – и так было раньше, и сейчас – это молитва, обращённая к Богу. Потому что защитить человека по-настоящему может только Он. Это не в укор ни армии, ни полиции, ни спецслужбам. Они свою долю работы выполняют, и когда Бог с ними – у них всё получается.

Так от чего защита и о чём молитва? А вот о чём!

Современное общество всё больше и больше запутывается во Всемирной паутине. Интернет, одно из величайших изобретений человечества, открыл доступ к любой информации: щёлкни мышкой – и вот тебе снимки с Марса, огромные

пугающие туманности в бездне космоса, снятые Хабблом, или советы как построить крышу или возвести фундамент дома. Интернет, без сомнения, облегчил людям жизнь, но в то же время и весьма усложнил её. К сожалению, как и любое серьёзное изобретение, он оказался новшеством двойного назначения: как лук со стрелами, который можно использовать и для добычи пропитания и для войны; как атомная энергия, равно пригодная и для процветания человечества и для его уничтожения!

Интернет с лёгкостью срывает покров тайны с любой области знаний, с любого явления. И действительно: хочешь в ИГИЛ, запрещённую в стране, пощёлкай мышкой, как та студентка-отличница из МГУ, и пожалуйста, тут же попадёшь в лапы опытных вербовщиков. А сколько суицидов, сколько разных мерзостей в режиме онлайн? И вновь в мыслях возникает тот же зловещий образ – обезьяна с гранатой. Да, неумелое, непродуманное обращение с потоком информации, дарованной нам Интернетом, может запросто привести к трагедии. Всё ясно! Всё доступно! Но никто не задумывается над тем, что Интернет, кроме всего прочего, покушается на святая святых, на одну из главных человеческих привилегий: право на тайну, в том числе и тайну Бога. Ведь для Паутины нет тайн.

Я понимаю, что ещё ни одно общество не жило полностью по законам, заложенным в Библии и сформулированным самим Богом, и что эти законы – всего лишь вешки, которыми отмечен правильный путь. Но люди, стараясь вроде бы придерживаться правильного направления, идут своими путанными дорогами, пытаясь обходить или перешагивать скрижали, на которых написано: не убий, не укради, не прелюбодействуй...

Уход современной молодёжи в виртуальную реальность – это плохо излечимая болезнь, от которой пытаются найти высокотехнологичное лекарство. А искать его, по сути, и не надо: оно уже есть. Это вера человека в Бога. Ле-

карство, дарованное людям тысячелетия назад. Именно поэтому в толкотне и суете современной жизни зачастую вспоминают о Боге, только когда несчастье грянет. Барахтаются во Всемирной паутине миллионы людей, не понимая, что если есть Паутина – найдётся и Паук.

Важно сохранять и восстанавливать островки безопасности, где теплятся очаги истинной веры православной, бескорыстной веры в Бога. Здесь та самая аптека, где бесплатно раздают лекарство против виртуальной агрессии, против душевной пустоты и неустроенности. «Дам даром от плодов дерева Жизни» – сказано в Апокалипсисе. Придите и сорвите этот плод. Это – сюда. Даже если вы зайдёте на территорию обители на минутку, благодать Божия коснётся вас. Она здесь, в монастыре, присутствует. Я это почувствовал.

Мой знакомый, узнав, что я пишу книгу о монастыре, сказал: «Эта тема не имеет перспективы! Во всех почти монастырях недобор кадров. Уж я-то знаю. Живут несколько человек за стенами, молятся, постоянно просят власти и меценатов помочь привести всё в порядок, а какая цель? Всё будет и дальше только приходить в упадок, даже если найдутся деньги отреставрировать всё до последнего камушка в стене. Желающих идти в монахи будет всё меньше и меньше. Люди хотят жить полной жизнью, пользоваться всеми благами современной цивилизации. В общем, все эти сооружения обречены на безлюдье».

С этим можно спорить и аргументы подобрать, доказав, что эта позиция уязвима. Но я пишу не богословское сочинение, а простое повествование со многими отступлениями. Пишу о монастыре, который начали строить в XIV веке, который дважды разрушали в средние века. Потом почти несколько столетий благоденствия, и снова эпоха разрухи: в 20-х годах XX века, затем в 60-х годах. А в послехрущёвскую эпоху просто ждали, когда всё развалится окончательно и само собой.

А в совсем недавнее время наверняка немало алчных взглядов было брошено на эту территорию в центре одного из самых посещаемых городов России, где постоянно толкутся люди с деньгами – туристы – и наши и забугорные. Вот бы там торгово-развлекательный центр забабахать!

К счастью, всё же произошло маленькое чудо и этот островок праведности ожил и ещё сослужит службу людям, выстраивая божественную защиту от бед и напастей. И каждый новый кирпич, положенный в стену монастыря, поможет создать эту защиту.

Меня могут укорить: в XXI веке вы толкуете о какой-то небесной защите. Не впадайте в мистику! Не надо объяснять простые, житейские вещи действиями сил небесных.

Наверное, ещё недавно и я так думал и плохо верил, что в трудную минуту такая сила придёт на помощь. Если поверить, если осознать, что между тобой и Богом есть канал связи, ты можешь к нему обратиться, и для этого не нужна никакая аппаратура.

Всё изменилось в один день! Я всё это испытал на себе. И больше у меня нет ни малейшего сомнения в евангельской истине: стучите – и вам откроют, просите – и дано вам будет по вере вашей.

Несчастье не предупреждает о своём приходе и появляется внезапно, и сразу ломается привычная жизнь, и ощущение беспомощности и непонимание, что делать и куда бежать, овладевает тобой. Тяжело заболел близкий мне человек. Сегодня поставили диагноз – а завтра уже на операционный стол. Случившаяся беда буквально раздавила меня. Я к ней не был готов, всё шло спокойно и без бед. А тут – такое! В искусстве врачей я не сомневался, но понимал и границы их возможностей. Мне оставалось только ждать и надеяться. Испытание не из лёгких. Я долго не находил себе места, хотя сделал всё, что от меня зависело. От человека. Но вот в чёрном хаосе мыслей и предчувствий недобрых мелькнуло воспоминание

о той жизненно важной формуле, которую дал однажды мне православный священник-депутат: «Бог всё устроит. Верь только». Эта формула не раз выручала меня. Но ни разу ещё речь не шла о жизни человека.

К моменту начала операции, наверное от ощущения полной безысходности, я поехал в Яковлевско-Благовещенский храм, что в Ярославле, попросить помощи у Креста животворящего, который был явлен в XIV веке на месте нынешнего храма.

Дело в том, что некоторое время назад вышла моя детская книжка «Сказ о Яковлевском кресте», я написал её по просьбе настоятеля этого собора отца Алексия к памятной дате – 250-летию постройки каменного здания церкви. Это была моя первая книга-сказка для детей, писалась она легко и радостно – такой она и получилась. Не знаю, почему, но после издания книги я стал воспринимать этот Крест не просто как церковный атрибут. Я чувствовал добрую энергетику этого намоленного за долгие века места.

Сколько я простоял у Креста животворящего в этот раз – не помню. Наверное, недолго. Народу в храме было немного, и ничто не мешало мне сосредоточиться на просьбе о помощи и защите. Перед этим я постарался освободить своё сознание от сомнений и скепсиса, хотя эти два качества вечно поднимают пыль у меня в голове помимо моей воли. Но не в этот раз!

В результате я уехал из храма немного успокоенным, с ощущением, что не останусь один на один с бедой.

Из Яковлевского храма я намеревался отправиться в больницу, но как-то само собой получилось, что я оказался на дороге, ведущей на Толгу. Когда-то я там бывал часто, а икону Толгской Богоматери я помню ещё с тех времён, когда она хранилась в музее. А там я в студенческие годы бывал постоянно и всегда подходил к этой иконе.

Я постоял у иконы Толгской Божией Матери, к которой возносили свои молитвы и цари, и крестьяне, и просил о том же, о чём просил и они, – о помощи. Потом я медленно шёл

по дорожкам обители, чувствуя себя усталым и разбитым. Пройдя полдороги до выхода, я взглянул на часы: было 11 часов утра. Операция шла уже целых два часа, долгожданного звонка всё не было.

И вдруг – я не понял, что со мной произошло, – ко мне откуда-то пришло полное успокоение и понимание, что всё закончится благополучно. В ту минуту я испытал что-то даже похожее на счастье и радость, и это было необъяснимо. И надо сказать, что это состояние было не одномоментным.

Я сел в машину и спокойно поехал на работу. Не успел войти в свой офис, как зазвонил мобильник и мне сообщили, что операция прошла успешно и прогноз благоприятный.

В этот и последующие дни неожиданно решилось ещё несколько сложных проблем, которые камнем висели уже полгода. Всё складывалось неожиданно легко! Я ощущал себя как в детстве, когда мать в горькую минуту гладила меня по голове и говорила добрые слова.

Спасибо, Господи, спасибо, Пресвятая Богородица – это всё, что могу сейчас сказать. В эти дни я почувствовал такую защиту и поддержку, о которой не мог даже помыслить. И что-то во мне переменилось. Сильно переменилось.

Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в любом случае будет восстановлен. Рано или поздно. Но лучше рано. Ведь там находятся люди, которых надо нормально устроить и которые молятся за всех нас, верующих, маловеров и совсем неверующих. Всем нужна защита Господа и Пресвятой Богородицы. Всем без исключения. Но кто-то должен ещё и попросить за нас Бога, раз мы сами не догадываемся.

А просьбы отсюда будут услышаны.

Глава седьмая

СТАЛИНГРАД ИГУМЕНЬИ АФАНАСИИ

Преподобный Феодор, происходивший из боярского знатного рода, на момент принятия решения основать первый монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в Москве был ещё очень молод. Двадцать с небольшим – это возраст, когда человек только набирает силу, когда великие замыслы и стремления улучшить этот мир плохо корректируются собственным скромным жизненным опытом, которого практически и нет. Ведь преподобному Феодору пришлось решать и многие житейские проблемы: где найти деньги на строительство хотя бы скромных сооружений, как приобрести земли под монастырь, как подобрать строителей, таких, у которых руки растут из правильного места. Наверняка ему приходилось вникать во все мелочи, чтобы дело двигалось и в конце концов было завершено.

Через что ему пришлось пройти – только он знает. Но ведь всё получилось! И Симоновская обитель до сих пор действует, помня о своём основателе.

Наверное, у молодого человека, каким он был тогда, могло бы ничего и не получиться, если бы не мощная духовная поддержка великого русского человека и святого Сергия Радонежского. Без неё и без помощи Божьей вряд ли воплотился бы в реальность этот грандиозный замысел.

Те, кто хоть раз пробовал построить даже сарай на своём дачном участке, знает, какая это морока. А здесь – монастырь. Это я к тому, что за высокими словами стоит ещё тяжёлый труд. И если он не освящён Богом – он становится каторжным, а если что-то строится с Богом в душе – даже простой сарай – это в радость. И главное – всё получится.

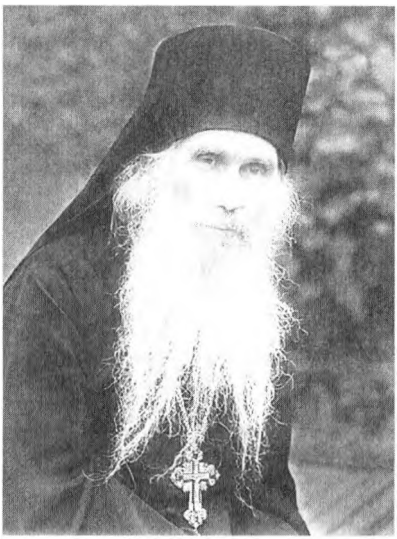
Я не могу смоделировать ход мыслей игуменьи Афанасии в тот момент, когда ей предложили возглавить эту обитель и принять на себя заботы по её восстановлению. Она, по моему разумению, человек из другого мира, даже думающий по-другому. Но мне, когда я ещё раз приехал сюда спустя несколько дней, почему-то пришло в голову, что вид разрушенного монастыря напоминает уголок Сталинграда после сражения, каким я его видел на военных фотографиях.

Я был в этом городе несколько лет назад. Сегодня он выглядит неплохо. Чувствуется русский размах, особенно в районе набережной. Там всё восстановлено. Всё, кроме дома Павлова. Он продолжает стоять в том же виде, как символ стойкости нашего народа. Об этом доме, который оборонял сержант Павлов со своим подразделением несколько месяцев и не сдал его противнику, упомянуто во всех учебниках истории. В тех учебниках, по которым учился я и моё поколение. Есть ли об этом в нынешних – не знаю. Я спросил у нескольких молодых людей — знают ли они о доме Павлова? И в ответ получил пожатие плечами – и всё. Может, спросил не у тех. Или сказалась переменная облачность в истории?

Так вот: мне показалось, что у этой молодой, хорошо образованной женщины – игуменьи Афанасии – здесь свой Сталинград, небольшой кусочек Родины, который надо восстановить после долгого изнурительного сражения. Я уже писал, что её глубинная уверенность в успехе убедила меня в том, что всё здесь будет приведено в порядок. И если Феодор вдохновлялся добрым и веским словом своего духовного учителя Сергия Радонежского, то что и кто подпитывает уверенность и оптимизм игуменьи Афанасии? Это было загадкой. Но вечером того же дня игуменья позвонила мне и сообщила, что уезжает проводить в последний путь своего духовного наставника.

– А кто он? – поинтересовался я.

– Монах, старец Кирилл, жил в одном из монастырей. Ему было за девяносто лет.



Старец Кирилл (Павлов).

Она помолчала немного и добавила:

– Его фамилия Павлов. Тот самый герой Сталинграда. Если помните.

– Конечно помню. А он...

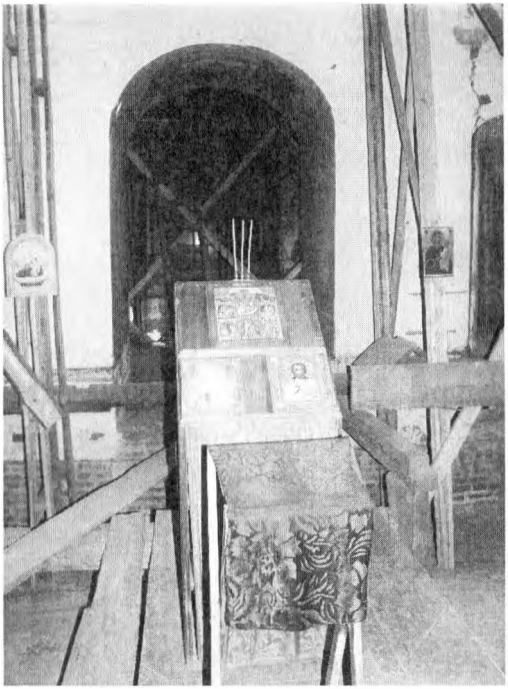
– Да. Он после войны принял постриг.

Мы закончили на этом разговор. Ей было тяжело говорить. И я понял истоки её веры в успех. Если такой человек – герой и подвижник, защищавший Родину не только с автоматом в руках во время Великой Отечественной войны, но и усердной молитвой в мирное время, оказывает духовную поддержку, то всё обязательно получится («Бог всё устроит!»).

О кончине Павлова я не слышал ни по одному телеканалу. Из тех, что смотрел, конечно. Может, где-то и было. Но нынешние телевизионщики учились уже по другим учебникам. В эпоху переменной облачности.

Строить монастырь в Ростове Феодор начал, будучи уже зрелым человеком, крупным церковным иерархом, дипломатом, художником. Наверное, это строительство далось ему легче, тем более что Сергий Радонежский всегда опекал своего верного ученика во всех его начинаниях, в том числе и в этом его деле.

У истоков возрождения монастыря Пресвятой Богородицы в Ростове, может и не прямо, а косвенно, оказался тоже великий человек – простой сержант Павлов, ставший героем нашего Отечества и скромным молитвенником за русскую землю. И это – залог того, что сбудутся слова, сказанные когда-то мне православным священником: «Бог всё устроит. Надо только верить». Я – верю! А Вы?



Глава восьмая

БОЖЕСТВЕННЫЕ КОНСТАНТЫ

Когда я уже хотел поставить жирную точку в своём повествовании, надеть узду в виде колпачка на своего ретивого Пегаса (имя которому – «Паркер») и отправить его почивать в карман пиджака, я неожиданно подумал, что тема ещё не исчерпана. И что, если история и нынешнее положение монастыря Рождества Пресвятой Богородицы более или менее понятна, как и жизни десятков других монастырей, разбросанных по всей России, более-менее ясно и их настоящее – восстанавливаться, принимать и готовить к служению людей, решивших

посвятить свою жизнь Богу. Но в то же время придётся им стараться укрепиться и в экономическом отношении. Рынок – он рынок для всех, и за всё – отопление, освещение, воду – надо платить. Поэтому зачастую остаётся совершенно скрытой от любого наблюдателя, каким, собственно, и является писатель, сторона – это будущее.

Есть ли оно у монастыря, о котором я пишу, есть ли оно у других монастырей, маленьких и больших, будут ли возникать новые обители, построенные из современных стройматериалов с учётом создания комфортных условий для людей, которые будут жить там? Я представлял себе, как лет через десять и этот монастырь, и другие обители, находящиеся в стадии восстановления, обретут свой первозданный вид, они наполнятся насельниками, там будет идти своя, скрытая от посторонних глаз, жизнь, посвящённая только одной цели – служению Господу.

За прошедшие 600 лет изменилась ли жизнь на русской земле? «Что за вопрос! – скажут мне. – Конечно, изменилась, ещё как!».

Но если раньше от одного крупного изменения до другого проходили столетия, то сейчас, в наше время, проходит десятилетие – и вы страны своей не узнаёте, той страны, где родились и выросли. Коснутся ли эти будущие изменения обителей, и что там может измениться? Я честно скажу, что не знаю ответа на эти вопросы. Что касается экономического положения монастырей – может быть, часть своих помещений, которые пригодны для жилья, они будут предлагать туристам-путешественникам, может быть – там будут создаваться небольшие музеи, открытые для посещений, может быть!

Одно только понятно – за стенами монастыря всё равно не получится укрыться на сто процентов от тех изменений, которые рядом. Они, так или иначе, будут влиять на всё вокруг. И здесь дело, на мой взгляд, не в том, придёт ли туда

Интернет – уже пришёл, проникнут ли туда средства массовой информации со своими фейками. Всё это уже есть. Многое изменилось в жизни на Руси. Очень многое. Вот только люди-то изменились мало. Да почти не изменились. Мысли, поступки, желания – всё те же, только сформулированы немного иначе. А по сути – всё то же.

Если не верите, особенно если вам 17-18 лет, не поленитесь, прочтите рассказы Антона Чехова, либо перечитайте одну из его пьес, либо просмотрите томик с его письмами. И вы поймёте: прошло сто лет, а мы всё те же, и все изменения чисто внешние. В этом всё дело. Мы, может быть, и сохранились как народ и как государство после революции 1917 года и после распада СССР потому, что у нашего народа в глубинах сознания всегда был здоровый консерватизм. И в этом наше спасение, и в этом наше будущее.

И монастыри – это тоже носители здорового консерватизма. Они своим существованием демонстрируют всем нам некие Божественные константы, то, что меняться не должно.

Православие в нашей стране это одна из таких констант, постоянных величин. Именно в этом жизненная сила обителей. Потребность в их существовании заложена в самой основе русской жизни. Так что, даже если человек достигнет Марса, долетит до экзопланет, где, может, будут основаны нашими потомками новые цивилизации, – и там, наверное, первым делом рядом с жилыми отсеками будет выделено место и для часовни.

И Бог будет с ними. Как он сейчас с нами.

Спаси нас всех, Господи.

Часть вторая

ЧЕРНО-БЕЛАЯ

Вторая часть книги состоит из чёрно-белых иллюстраций. Вы увидите, в каком состоянии сейчас находится территория монастыря, его здания и храмы.

Меня могут спросить – зачем это показывать? Ну, случилось когда-то, давным-давно, по сути, рукотворное разрушение, но сейчас-то всё понемногу исправляется. Да и какой интерес рассматривать развалины, ведь это всё-таки не Парфенон в Греции или Колизей в Италии?

Мы привыкли восхищаться руинами памятников мировой цивилизации, это нормально. Памятники мировой истории надо чтить. Но надо интересоваться и почитать и собственные развалины, хотя бы для того, чтобы ничего больше не разваливать в будущем.

Но, по большому счёту, эти фотографии – не для сегодняшнего читателя, который это может увидеть воочию, а для будущего, для тех, кто придёт сюда через много лет, когда здесь всё будет красиво, прибрано и реставрировано, чтобы они могли посмотреть на ту черту, за которую мы больше не можем себе позволить заходить, и восхититься теми людьми, которые всё здесь привели в порядок. Это будет как глоток чистой воды перед глотком хорошо приготовленного кофе. Лучше поймёте вкус прошедшей и будущей эпох. Так что, повторяя слова из Откровения Иоанна Богослова, говорю: «Иди и смотри».

Снимки намеренно сделаны чёрно-белыми.

Развалины не могут быть весёлыми по цвету и сути своей.

(*Фото на шмуцтитуле – церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 2017 г.*)

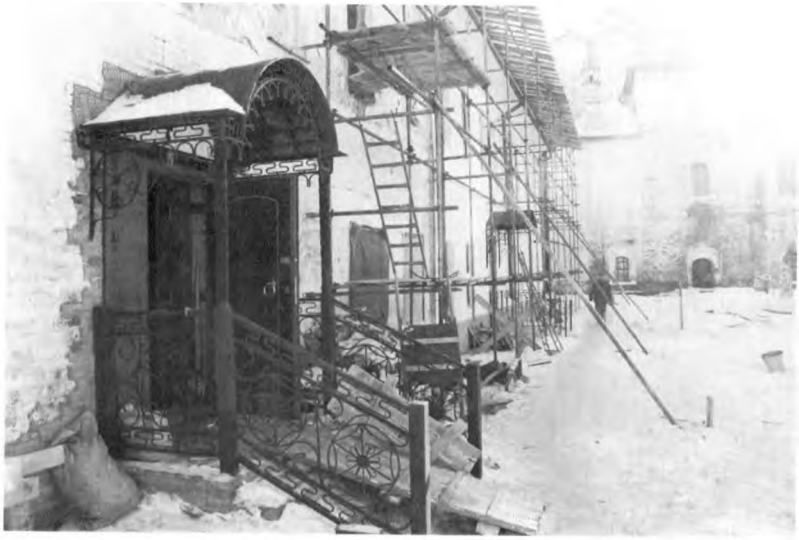
Заснеженные улицы Ростова,
прилегающие к монастырю
Рождества Пресвятой Богородицы.

Строили красиво и на века.

Признаки жизни.

Что здесь было?

Кто помнит?



Во дворе монастыря.

Вид на церковь Тихвинской Божьей Матери (внизу).
А колокольня уже есть.

Понаделали делов.
Теперь надо
дело делать.

свиней молахѹ его гдⷭ҇и.
до свиное.
и влѣзъ въ корабль и пріидѣ
въ свой градъ.

Часть третья

РАДУЖНАЯ

В этой части вы увидите все цвета радуги на фресках XVIII века. Фрески выполнены в традиционной манере, доставшейся нам ещё от художников Византии.

Как-то в Киеве мне довелось видеть православный храм, расписанный Васнецовым – великим русским художником, так любившим сказочные сюжеты. (Вспомните его «Трёх богатырей» или «Алёнушку».)

Я отчётливо помню, как что-то мешало мне воспринимать его работу не просто как живопись, а как традиционные фрески с изображением Бога и Богоматери. Современная манера письма немного сбивала меня с правильного восприятия. И, как мне показалось, из этих фресок исчезло что-то важное, что-то истинное. Может, потому, что за несколько часов до этого я был в Софийском соборе и рассматривал там те же сюжеты, но выполненные в традиционной манере. И они мне нравились больше.

В общем, молитву со старославянского можно перевести на русский, но только для того, чтобы всё там понять. А молиться надо всё же на том языке, на котором создана молитва.

В этих сюжетах ничто не собьёт вас с правильного восприятия.

Словом, «идите и смотрите»!

Фрески северной стены основной части храма.

Росписи подкупольной части четверика собора Рождества Пресвятой Богородицы.

Фрески нижней части северной стены храма.

Господь Иисус Христос приведён на суд пред первосвященником и синедрионом.

Воскресение Христово. Господь Иисус Христос изводит из ада праотца Адама и праматерь Еву.

Бог Отец (Первое Лицо Пресвятой Троицы).

Бичевание Господа Иисуса Христа.

Тайная Вечеря.

Заушение Спасителя.

Поклонение пастухов родившемуся Христу.

Пресвятая Троица (новозаветное изображение)
с предстоящими Пресвятой Богородицей
и святым Пророком Иоанном Крестителем.

Вознесение Господне.

Исцеление Господом тёщи апостола Петра.

Бегство в Египет.

Святые диаконы Иоанн и Филипп.

Пресвятая Троица (ветхозаветное изображение).

Господь Иисус Христос с предстоящими Ему Пресвятой Богородицей и святым Пророком Иоанном Крестителем.

О КАЖДОМ ИЗ НАС

Вы только что перевернули последнюю страницу этой небольшой книги о монастыре Рождества Пресвятой Богородицы в г. Ростове Великом. Она, книга эта, обращена, прежде всего, к людям, которые пытаются понять, почему в нашей истории регулярно завиваются губительные спирали смерчей, оставляющие после себя разруху и запустение. К людям, которые мучаются вопросом: ПОЧЕМУ?

Но один из главных вопросов, которые редко задают люди, – то ли стесняясь, то ли понимая, что ответ на него надо искать где-то в глубинах души своей: почему после революции так, казалось бы, легко часть нашего народа поменяла веру в Бога на ту, «революционную» идеологию? У меня тоже нет ответа на этот вопрос, хотя я неоднократно задавал его себе, когда писал эту книгу.

И всё же в самые сложные периоды нашей истории православие продолжало жить в нашей стране. Оно обитало, прежде всего, в сердцах людей, оно стало, как бы это сказать, менее громким, в чём-то потаённым, из него почти исчезла «парад-

ная» сторона. Религиозная традиция жила, прежде всего, в сердцах людских, в них она сохранилась и оберегалась.

В 1965 году я, тогда первокурсник, был в экспедиции по обследованию религиозности населения в с. Чёрная заводь, что на Волге, вблизи Ярославля. Мы обошли с опросниками всё село – и изумлению не было конца. Почти все, кого мы опрашивали, заявляли, что они верующие. А на вопрос, кто им привил веру в Бога, отвечали одинаково: мать, отец, дедушка, бабушка.

Есть такая пословица: «В сердце каждого найдётся уголок для Бога». Очень точно.

Последние четверть века идёт сложный процесс восстановления утраченных православием позиций. Я уверен, что в нашем светском демократическом государстве Православная церковь должна выполнять роль «коллективной» совести народа, удерживать зарождающиеся где-то в глубинах сознания смерчи и гасить их молитвой, Божьим словом и добрыми делами.

Люди небезучастны. Монастырю, о котором написана эта книга, так или иначе помогли сотни людей: я назову, со слов игумены Афанасии, лишь некоторые фамилии, без всяких регалий, поскольку здесь они не имеют значения: Овсиенко Н.П... и прервусь. Чтобы назвать все без исключения фамилии, придётся написать ещё одну книгу. Книгу о неравнодушных.

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман...

Помните эти пушкинские строки? Это о каждом из нас! Человек в конце концов всё равно приходит к Богу. И в этом наше спасение и радость. И хотя жизнь наша зачастую пролетает, как картинки за окном вагона, существует цель пути: Божественные константы, опираясь на которые можно выдержать всё. Как всё то, что пережил монастырь Рождества Пресвятой Богородицы. Помогите ему.

А Бог поможет Вам!

Литературно-художественное издание

Альфред Николаевич Симонов

БОЖЕСТВЕННЫЕ КОНСТАНТЫ

Повествование о монастыре
Рождества Пресвятой Богородицы

Редактор
Михаил Китайнер

Компьютерный набор
Натальи Любимовой,
Натальи Малковой

Компьютерная вёрстка
Григория Михайлова

Корректор
Елена Борисова

На обложке
картина художника
Натальи Дмитриевны Овсиенко
«Не плачь, мой Ангел». Холст, масло.

Подписано в печать 03.04.2017.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgC. Усл. п. л. 5,58
Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 250 экз. Заказ № 031-17

Издательско-полиграфический комплекс «Индиго»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97